

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

БУДНИК Г.А., д-р ист. наук

На основе новейших методологических подходов исследуется роль советской научно-педагогической интеллигенции в период 1945–1953 гг. в сохранении и воспроизводстве социальной памяти.

On the basis of the newest methodological methods the role of the soviet scientific-pedagogical intelligence over the period of 1945–1953 in preserving and reproduction of social memory is studied.

Ключевые слова: Интеллигенция, советская научно-педагогическая интеллигенция, методологические подходы к изучению интеллигенции; социальная память.

Key words: Intelligence, soviet scientific-pedagogical intelligence, methodological methods of studying intelligence, social memory.

В настоящее время одной из наиболее актуальных проблем исторической науки является выработка методологических подходов к изучению социальных групп. Вопросам теории и методологии посвящены монографии известных ученых, научные конференции.¹ Ниже представлен конкретно-исторический анализ социальной памяти советской научно-педагогической интеллигенции² в период 1945–1953 гг.

На Западе исследования социальной памяти начались в 1960-е гг. французскими учеными, создавшими так называемую школу «Анналы». В нашей стране работы, посвященные этой проблеме, начали появляться на рубеже 1980–1990-х гг.³ В настоящее время в этом направлении активно работают ученые, изучающие интеллектуальную историю.⁴

Социальная память – это социальная система со свойственной ей структурой и динамикой. «В исследованиях памяти преобладает точка зрения (идущая во многом от концепции Э. Дюркгейма о коллективных представлениях), согласно которой социальная память – исключительно память коллективная. Тем самым индивидуальное оказывается как бы вне социального, то есть социальное характеризует не отдельного индивида, а только различные общности людей». Социальная память в различные исторические периоды и у различных социальных групп имеет свою специфику. Она оказывает влияние на другие социальные, политические и культурные практики.⁵ С этой точки зрения в жизни общества велика роль вузовской интеллигенции, которую можно рассматривать как посредника при воспроизводстве социальной памяти от субъекта к объекту, от учителя к ученику. От нее во многом зависит то, какие знания, понятия, факты будут осмыслены и сохранены в памяти студентов (или забыты, исключены из коллективной памяти нового поколения). Неудивительно поэтому, что правительства каждого государства всегда много внимания уделяли содержанию учебных программ, особенно по гуманитарным дисциплинам и контролю за подготовкой и деятельностью преподавателей высшей школы.

Послевоенный период 1946–1953 гг. в истории нашего государства, с одной стороны, – один из самых драматических периодов нашей истории, с другой – время спокойного развития нашего государства.

Итак, Великая Отечественная война закончилась, и жизнь возвращалась в мирное русло. С фронта и из эвакуации в родные вузы возвращались преподаватели и студенты. В результате институтские аудитории «поменяли цвет», так как и в мирное время фронтовики продолжали носить военную форму, заслуженно гордясь боевыми наградами. Однако научно-педагогические и студенческие коллективы изменились не только внешне. Другим, более раскрепощенным, стал внутренний мир вузовской интеллигенции. Военные испытания проявили значение общечеловеческих ценностей, а знакомство преподавателей, принимавших участие в освобождении стран Западной Европы от фашистов, с европейской культурой способствовало развитию у них самостоятельного мышления, неподвластного контролю. Бывшие фронтовики были уверены, что после победы над гитлеровцами, в мирных условиях, они легко смогут добиться справедливости. Они были активны в своих поступках и критичны в высказываниях. В протоколах вузовских партийных собраний появились замечания о так называемых «нездоровых высказываниях» преподавателей. В соответствии с партийным языком тех лет, под «нездоровыми высказываниями» понимались мысли и идеи, не укладывающиеся в традиционные рамки догматизированного марксизма. Неудивительно поэтому, что уже в августе 1946 г. «грянул гром» – появилось партийное постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград». Вслед за ним вышли другие постановления, как тогда обобщенно говорили, «по идеологическим вопросам». Общий смысл их точно выражали слова «Зажимают клапаны».

Началась так называемая борьба с космополитизмом.⁶ «Что такое космополитизм, никто толком не знал. Но атмосфера создавалась гнетущая. Если человек не ура-патриот, то его уже легко было сделать космополитом.

Опять началась мутная волна наветов и доносов на этих невиданных еще врагов – слово-то какое придумали – «космополит»», – писала в своих воспоминаниях, изданных ее детьми, доцент Ивановского педагогического института Л.В. Венкстерн.⁷ Иными словами, началась массированная мифологизация сознания. В первую очередь его необходимо было «исправить» у научно-педагогической интеллигенции, а затем в догматизированном и стандартизированном виде оно должно было воспроизводиться в студенческих аудиториях.

Под лозунгами борьбы против «тлетворного влияния Запада», «раболепия и низкопоклонства перед иностранщиной и буржуазной реакционной культурой» началось формирование ограниченного, упрощенного, доверчивого к провозглашаемым лозунгам сознания советской интеллигенции. На смену научному методу познания должна была прийти безоговорочная, бездумная вера в политику партии и ее вождей.

Было установлено, что во многих высших учебных заведениях существовала «большая засоренность лицами, не внушающими политического доверия». Началась борьба с «безродными космополитами». В ходе нее многие видные ученые Ивановского медицинского института – профессора и доценты А.Д. Бернштейн, А.А. Эпштейн, Я.Ф. Бродский, Э.Р. Геллер, С.С. Мазель – летом 1949 г. были уволены из института. Профессор этого вуза В.М. Сухарев, только начинавший в те годы работу, вспоминал, что с уходом этих преподавателей из вуза «идейно выдержанной» стала тематика научно-исследовательских работ ученых и студентов. Всего к 1950 г. 163 из 802 преподавателей вузов г. Иваново были причислены к «несоответствующим требованиям высшей школы». Этими действиями производилась «фильтрация» социальной памяти, мифологизация сознания студенческой молодежи, формирование искаженной картины мира. Как видим, социальная память – это не абстрактное понятие. Это судьбы конкретных людей, чье мировосприятие не совпадало с официальной идеологией.

Пик борьбы с космополитизмом приходится на 1950–1953 годы. Началось выправление тематических планов занятий, экзаменационных билетов, стенографирование лекций и семинаров, проверка конспектов, обсуждение преподавателей. По итогам проверок принимались такие, например, решения: «Доцент Каплин Н.И. прочитал лекцию о пастбищном содержании животноводства на слабом идейном уровне», «Лекции профессора Ярославцева П.Ф., доцента Балужева В.К. при вполне удовлетворительном теоретическом уровне имеют недостатки со стороны партийно-

го уровня» (Ивановский сельскохозяйственный институт, 1950 г.).

Не все выдерживали подобную «политическую трескотню и блудсловие» (С.С. Дмитриев), могли замкнуться и промолчать, особенно когда посредственные в научном плане личности доказывали научную несостоятельность крупных ученых. В упоминавшихся выше воспоминаниях Л.В. Венкстерн имеются сведения о трагическом случае, произошедшем в эти годы в Иваново. Здесь «покончила жизнь самоубийством Нина Разумовская. Обстоятельства будто бы были такие: в Ивановском педагогическом институте, где она преподавала, обсуждался вопрос о космополитах в исторической науке. Громили Н.Л. Рубинштейна⁸ за историографию... Разумовская вступилась за Рубинштейна, своего бывшего учителя и научного руководителя. Тогда ее так «проработали» всем собранием, что придя домой, она повесилась. ... Это была способная к научной работе девушка (25 лет). Защитила на истфаке МГУ диссертацию». Перед смертью она написала записку: «Я ничего не имею общего с космополитизмом».

Не смог связать свою судьбу с Ивановским педагогическим институтом молодой кандидат наук, прибывший из Москвы, А.П. Каждан. Он отличался большой эрудицией, склонностью к широким научным обобщениям, самостоятельностью суждений. «Он даже позволял себе не согласиться с точкой зрения заведующего кафедрой, что у нас было не принято, – вспоминали его коллеги. – Свобода мнений. Свобода рассуждений решительно отличали его от нас. ... От его высказываний веяло каким-то свежим ветром, позволяющим думать и рассуждать, а не только следовать указаниям учебников, одобренных и принятых ЦК партии в качестве учебных пособий для педагогических институтов». Однако столь явная самостоятельность мышления не поощрялась. И однажды он допустил «...ужасную политическую оплошность – он сказал, что Ленину, как всякому человеку, свойственно ошибаться и что он допускал ошибки. В те годы такое заявление не могло не произвести впечатления разорвавшейся бомбы. ... А потом было то, что и должно было последовать за такой «крамоллой»: «состряпали дело» и талантливого молодого ученого прогнали, уволили».

Недолго проработал в Ивановском педагогическом институте и Яков Осипович Зунделович. Он родился в 1893 г. Учился во Франции, на «ура» принял революцию 1917 года и приехал в Москву. Здесь он начал преподавать в Литературно-художественном институте и на Высших литературных курсах, был близко знаком с В. Брюсовым. В 1933–1935 годах в звании профессора он читал лекции по русской и зарубежной литературе в

Московском институте философии, истории и литературы, а в последние перед арестом годы стал деканом сценарно-режиссерского факультета ВГИКА, много переводил с польского, немецкого и французского языков. В ночь с 4 на 5 ноября 1937 года Яков Осипович был арестован и впоследствии осужден по ст. 58 п. 10 на 10 лет. Однако в 1943 г., в связи с тяжелой болезнью, он был освобожден (отпустили умирать). Но дочь выходила его, и через некоторое время не без труда ему удалось устроиться на работу в Ивановский педагогический институт. Однако и здесь в период борьбы с космополитизмом он задержаться не смог и вынужден был уехать в Самарканд. В музее истории Ивановского педагогического института есть небольшая, изданная его дочерью книжечка стихов Я.О. Зунделовича. На мой взгляд, образным языком поэзии этому много повидавшему и перенесшему человеку удалось передать трагизм советской интеллигенции, ее неиссякаемую надежду и способность к самосохранению в самые тяжелые времена. Вот, например, стихотворение, написанное в далеком Самарканде в 1949 г.:

Я – человек, мне даже в мире тесно,
И пусть, как пес, я загнан в конуру –
Я все-таки никак не заору
Псарям и псам хвалебной песни.
Осенне-слякотный стоит февраль:
Как я хочу прозрачно-колкой стужи!..
Ошейник свой я затяну потуже
И буду спать от утра до утра.
Спать для псаря... Я буду ночью выть.
На зов его едва плестись блудливо,
И с хищной дрожью запахи ловить
Неотвратимого весеннего разлива.

Это стихотворение, а также судьбы научно-педагогической интеллигенции свидетельствуют о трех важных с точки зрения осмысления феномена социальной памяти моментах. *Во-первых*, социальная память складывается из индивидуальных памятей в конкретном временном контексте. В данном случае, в послевоенное десятилетие в социальной памяти вузовской интеллигенции были накрепко «запечатаны» все факты и события как научной, так и обыденной жизни, подвергавшиеся запретам. Активность индивидуальной и коллективной памяти была резко снижена, память «произвела селекцию»: многое сознательно было спрятано от окружающих и сохранено в самых ее глубинах. Огромный пласт социальной памяти оказался утерян. Сегодня с большим трудом воссоздаются коллективные образы вузовской интеллигенции тех лет. *Во-вторых*, формирование социальной памяти напрямую зависит от обстановки в стране, от политики, проводимой органами власти. *В-третьих*, социальная память развивается по закону прерывности и непрерывности. Социальная память, в данном случае вузовской

интеллигенции, может «затаиться», казалось бы, исчезнуть, но при благоприятных обстоятельствах ее утраченные сегменты будут возрождены. Так произойдет и с социальной памятью вузовской интеллигенции послевоенного десятилетия.

Хотелось бы обратить внимание еще на один феномен социальной памяти вузовской интеллигенции, а именно, на ее диффузию в социокультурном пространстве. Поскольку в выбранных для изучения хронологических рамках научная картина мира была искажена, а воспоминания о прошлом были под запретом, проиллюстрируем данное утверждение на примерах формирования интеллигентного образа жизни.

Как известно, подвергавшиеся ранее репрессиям преподаватели не могли жить к Москве ближе, чем за 101 км. Однако у многих из них остались в столице родственники и друзья. Поэтому они выбирали для жительства город поближе. К таким вынужденным переселенцам относилась, например, семья Рафаила Александровича Кауля и Лидии Владимировны Венкстерн. Они были коренными москвичами, но в годы войны Р.А. Кауль был выслан из Москвы, т.к. по национальности он был немец. С ним поехала и его жена Л.В. Венкстерн. По приезде в Иваново они должны были дать подписку о невыезде, встать на учет в Ивановском городском отделе НКВД и ежемесячно являться на регистрацию. Даже поездку на лето с детьми в деревню они должны были согласовывать. Р.А. Кауля взяли на работу в Ивановский энергетический институт, т.к. вуз был не идеологический, а кадров, тем более высокой квалификации, не хватало. Выпускница МГУ, историк Л.В. Венкстерн смогла устроиться на работу в педагогический институт. Решающую роль при ее приеме на работу сыграло безупречное знание предмета и дефицитная для Иванова специализация по западноевропейскому средневековью. Здесь, в провинции, они были распространителями культуры столичной интеллигенции. У них было много книг, грампластинок с записями классической музыки. Часто к ним в дом приходили коллеги и, например, слушали исполнение «Лунной сонаты» различными пианистами и обсуждали особенности их игры. Они создавали вокруг себя особый стиль жизни, наполненный уважением к науке, демократизмом, интеллигентностью. Здесь человек оценивался не по занимаемой должности, а по интеллекту, профессионализму, внутренней культуре.

Подводя итоги, следует отметить следующее: *во-первых*, воспроизводство, сохранение и распространение социальной памяти зависит от конкретной обстановки в стране; *во-вторых*, одним из важнейших посредников при ее формировании у нового поколения является интеллигенция-посредница – учителя школы и преподаватели вузов; *в-третьих*, социальная

память складывается из индивидуальных памятей в конкретном временном контексте; *в-четвертых*, социальная память может прерываться и возобновляться вновь при благоприятных обстоятельствах; *в-пятых*, даже при неблагоприятных условиях социальная память обладает способностью к диффузии в социокультурной среде ее носителей.

Примечания

¹ См. например: *Биск И.Я.* Методология истории: курс лекций. – Иваново, 2007; Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции: монография / Под ред. В.С. Метова. – Иваново, 2008; Споры о главном. Дискуссии по поводу школы «Анналов». – М., 1993.

² Под научно-педагогической интеллигенцией понимаются преподаватели и сотрудники высших учебных заведений, исследовательская, учебная и воспитательная деятельность которых направлена на создание, сохранение и развитие теоретических знаний и методов их практического применения, передачу студентам научных и духовных ценностей, а также участвующие в формировании культурной среды в вузе и регионе. Подробнее дискуссии о понятии «интеллигенция» см. *Будник Г.А.* Высшая школа и интелли-

генция: советский воспитательный и образовательный эксперимент, 1945–1985 годы (на материалах Центрального района России). – Иваново, 2003. – С. 9–37.

³ См. например: *Губогло М.Н.* Энергия памяти. О роли творческой интеллигенции в восстановлении исторической памяти. – М., 1992.

⁴ См., например: Историческое знание и интеллектуальная культура: Мат-лы науч. конф. – М., 2001; Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики: Мат-лы науч. конф. – М., 2006.

⁵ Из выступления А.В. Карасевой на заседании «Круглого стола» «Социальная память в истории: проблемы, подходы, перспективы изучения» / Иван. гос. ун-т, 8 апреля 2008 г.

⁶ Под космополитизмом в изучаемый период истории понимали реакционную идеологию, проповедовавшую теорию мирового гражданства, отказ от патриотизма. Аналогичным было употребление терминов «низкопоклонство», «раболепие», означавших преклонение перед Западом. В действительности подобные «ярлыки» были необходимы для оправдания карательных мер в борьбе с реальной и потенциальной интеллектуальной оппозицией.

⁷ *Венкстерн Л.В.* То было наше время: Воспоминания, очерки, заметки. – Иваново, 1997. – С. 88. (На правах рукописи).

⁸ Н.Л. Рубинштейн – профессор МГУ, историограф. Был обвинен в космополитизме за «Русскую историографию» (М., 1949), уволен с работы в университете.

Будник Галина Анатольевна
Ивановский государственный энергетический университет,
доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории и культуры.
Контактная информация: budn@inbox.ru
admin@history.ispu.ru

Budnik Galina Anatolyevna
PhD, professor
The department of National History and Culture, Ivanovo State Power University

Contact information e-mail: budn@inbox.ru
admin@historu.ispu.ru